

ВЗГЛЯДЪ НА НАШИ СРЕДНЕАЗІЯТСКІЯ УСТРОЙСТВА.

Il faut laisser faire tout le monde,
Excepté les enfans, les sauvages et les fous.

Созданіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства, безспорно, принадлежитъ къ важнейшимъ событиямъ нашего времени. Объ немъ господствуетъ въ русской публикѣ такое мнѣніе, что это есть ничто иное какъ неизвѣстнаго рода зерно, брошенное въ неизслѣдованную почву. Мѣста много, а времени у насъ еще мало цѣнится, — слѣдовательно, почему не посадить зерно; выростетъ что — тѣмъ лучше; не выростетъ — на то воля Божья. Подобный образъ мышленія можетъ быть естествененъ въ крестьянинѣ, занимающемся хлѣбопашествомъ въ олонецкой губерніи; но прискорбно встрѣтить его въ лицахъ составляющихъ, или которыхъ должны составлять, у насъ слой мыслящей публики. Вопросъ о нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, хотя въ некоторыхъ лицахъ, долженъ бы возбудить живой интересъ. Неужели же мы никогда не выйдемъ изъ обычнаго своего апатичнаго состоянія.

Статьи, являющіяся въ англійскихъ «Review», различныхъ наименованій, по поводу нашихъ азіатскихъ дѣлъ, весьма лестны для Россіи, потому что въ нихъ выказывается глубокое уваженіе нашему просвѣщенію и твердая вѣра въ наше разумное пониманіе своихъ выгодъ; но тѣмъ не менѣе видно изъ нихъ, что въ самой Англіи, общественное развитіе медленно совершає замѣтные успѣхи; что тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, уроки истории долго остаются непонятными. Это про-

исходитъ отчасти оттого, что рѣдко, весьма рѣдко кто возьметъ на себя трудъ ознакомиться съ подробностями дѣла, о которомъ разсуждаєтъ; а чѣмъ менѣе знаніе, тѣмъ легче судить. У насъ тѣ же сужденія повторяются, и журналисты всѣхъ націй, какъ овцы, о которыхъ говорить Рабле, слѣдуютъ одинъ за другимъ, повторяя все тотъ же вздоръ, который такимъ образомъ укореняясь въ обществѣ, дѣлается аксиомой, и если кто осмѣлитъ высказать какія-нибудь сомнѣнія, насчетъ повторяемыхъ безсознательно всѣми сужденій, то этого скептика, съ крикомъ, объявляютъ еретикомъ, любителемъ парадоксовъ, — къ счастію, по крайней мѣрѣ теперь уже не сожигаютъ на кострѣ. Былъ однажды одинъ случай, весьма поучительный и могущій какъ нельзя болѣе привести къ правильному пониманію взаимнаго положенія Россіи и Англіи въ Азіи. Тутъ не сужденія, а факты, — и чтобы въ нашей публикѣ дикія воззрѣнія на этотъ счетъ, по возможности прекратились, мы считаемъ полезнымъ привести на память этотъ грозный примѣръ вредныхъ послѣствій, неосновательныхъ опасеній и дѣтскаго пониманія политическихъ вопросовъ, — для чего мы представимъ здѣсь слѣдующую выписку изъ «Дополненій» В. В. Григорьева, къ «Кабулистану» Риттера (Спб. 1867 г., стр. 881—884), сочиненія, до котораго конечно большинство нашей публики никогда не коснется.

«При тегеранскомъ дворѣ, — пишетъ В. В. Григорьевъ, — преобладало въ это время русское вліяніе. Такое положеніе дѣлъ могло не нравиться англичанамъ — это понятно; но видѣть въ немъ опасность для владѣній своихъ въ Индіи, не имѣли они никакого основанія, кроме сознанія, что будь

они сами на мѣстѣ русскихъ, а Россія, вмѣсто ихъ, владѣй Индіею, такъ не было бы съ ихъ стороны недостатка въ стараніи воспользоваться значеніемъ своимъ въ Персіи, чтобы подвигнуть эту державу на завоеванія въ Индіи, или открыть туда, чрезъ нее, путь для собственныхъ армій. Искони миролюбивой, не задѣвающей, а только отражающей, и нерѣдко самоотверженной, политики Россіи, непонимали тогда англичане, какъ не вѣрятъ въ нее и теперь. Осада Герата персіянами, по наущенію Россіи, какъ предполагалось, присутствіе русскихъ офицеровъ въ лагерѣ шаха, и слухи, что готовится экспедиція противъ Хивы изъ Оренбурга, все это, вмѣстѣ взятое, казалось англичанамъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ замысловъ Россіи на Индію. Воображеніе британскихъ политиковъ, какъ въ этой послѣдней, такъ и въ самой Англіи было взволновано. Борисъ, отъ которого бы слѣдовало ожидать большаго благоразумія — онъ былъ въ Бухарѣ, зналъ какія безводныя степи, какіе громадные горные хребты отдѣляютъ русскія владѣнія въ Азіи отъ британскихъ, — сочувствовалъ, напротивъ, опасеніямъ своихъ соотечественниковъ, и даже разжигалъ ихъ корреспонденціями своими изъ Кабула. Anglo-индійскимъ властямъ такъ и мерещилось, что вотъ-вотъ и блеснутъ русскіе штыки на Индѣ. Можно представить себѣ, какъ при такомъ болѣзnenномъ настроеніи воображенія, должно было поразить Бориса, а вслѣдъ за нимъ компанейское управленіе, весь дипломатическій корпусъ Англіи, и наконецъ парламентъ — появленіе въ Кабулѣ, къ концу декабря 1837 г., русского офицера по фамиліи Виткевичъ, когда тамъ дотолѣ никого изъ русскихъ не бывало. Воплями противъ безмѣрного че-

столюбія, низкихъ интригъ, отвратительнаго коварства Россіи, огласились всѣ британскія владѣнія на земномъ шарѣ, а за англичанами стали повторять, тоже безсознательно, и французскіе, и нѣмецкіе публицисты. Никому въ голову не пришло взглянуть на дѣло хладнокровнѣе, и разсудить, что если англичане сочли возможнымъ посадить въ Кабулѣ агента, который бы не только слѣдилъ за движеніями тамошняго правительства, но и дѣйствовалъ въ пользу свою, то почему же бы не было позволительно и для русскихъ пограничныхъ властей послѣдовать отчасти примѣру, поданному англо-индійскими, и послать отъ себя чиновника въ Кабулъ — посмотретьъ, чѣмъ такимъ занимается тамъ г. Борисъ. Разсудить, что если посылку Виткевича въ Кабулѣ принимать за враждебную демонстрацію Россіи, противъ англійскихъ интересовъ въ Азіи, то почему, заочно такую же демонстрацію, со стороны Англіи, не могла бы принимать и Россія предшествовавшую поѣздку самого г. Бориса въ Бухару? Русское правительство однакоже, не посмотрѣло такимъ образомъ на эту поѣздку, никакъ не думало тревожиться ею, и никакихъ запросовъ по этому поводу себѣ непозволило. Но «у страха глаза велики», говорить пословица, и видѣть то, чего нѣтъ. Борисъ совершенно разстроился отъ появленія Виткевича въ Кабулѣ, хотя Достъ-Махоммѣдъ, все еще не теряя совершенно надежды, пріобрѣсти расположеніе и покровительство англо-индійскихъ властей, принялъ Виткевича крайне сухо и недовѣрчиво, передалъ тотчасъ Борису всѣ бумаги ему привезенные, и изъявилъ полную готовность выслать «московскаго» агента изъ своихъ владѣній. Впервые въ жизни, быть можетъ, дѣйство-

валъ Достъ-Махоммѣдъ открыто и искрен-
но, и былъ наказанъ за это: англо-индѣй-
скія власти остались глухи и неумолимы,
сами не хотѣли для Достъ-Мохаммѣда по-
шевелить пальцемъ, а отъ него требовали,
чтобы онъ принадлежалъ имъ тѣломъ и
душою. Эмиръ увидѣлъ наконецъ, что не
добьется отъ нихъ ничего, и сталъ прини-
мать Виткевича, котораго до тѣхъ поръ
~~держа~~^{дѣржалъ} почти взаперти. Борисъ, давно
уже тяготившійся безполезнымъ пребыва-
ніемъ своимъ въ Кабулѣ, тотчасъ же вы-
ѣхалъ (26-го апрѣля 1838) и 17-го іюня
былъ уже въ лагерѣ, призванный туда для
совѣщанія «на счетъ критического положе-
нія британскихъ дѣлъ на западѣ отъ Ин-
да,—какъ самъ онъ выразился.»

Какія же были слѣдствія этой безумной
тревоги? Всѣмъ извѣстенъ исходъ англій-
ской экспедиціи въ Афганістанъ, и въ Ан-
гліи онъ долго будетъ памятенъ. Странно
то однакоже, что мало кто понялъ и пони-
має настоящія причины этихъ грозныхъ
событий. Очень немного лицъ достаточно
ознакомились съ этой страницей исторіи,
чтобъ составить себѣ убѣжденіе, согласное
съ истиной, что англійскій походъ въ Аф-
ганистанъ, былъ плодомъ болѣзниенного на-
строенія англійскихъ государственныхъ и
негосударственныхъ людей,—далъ же онъ
такіе грозные результаты, по причинѣ без-
дарности лицъ, руководившихъ его исполн-
еніемъ. Тутъ Россія ровно не причемъ,
и она никакъ не можетъ считать, что по-
сыпкою одного казацкаго офицера въ Ка-
буль, она вынудила Англію сдѣлать не-
нужную и несообразную съ началами спра-
ведливости, экспедицію, которая не привела
къ осуществленію ни одной изъ предполагае-
мыхъ цѣлей и стоила болѣе 18,000 человѣче-
скихъ жизней и 15 милл. ф. ст. (болѣе

90,000,000 руб. сер.)! Вотъ послѣдствіе вздорныхъ общественныхъ сужденій, и также, конечно, неудачнаго выбора исполнителей. О неудачномъ выборѣ исполнителей мы не будемъ распространяться,—это въ Россіи вопросъ слишкомъ щекотливый,—но о вздорныхъ мнѣніяхъ въ обществѣ, мы должны сказать нѣсколько словъ.

Столкновеніе Россіи съ Англіею въ центральной Азіи, есть ничто иное какъ химерическое пугало, которое не только бесполезно, но очевидно весьма вредно. Всѣ люди, знакомые съ физической и политической географіей Азіи, очень хорошо знаютъ, что задачи какъ Россіи, такъ и Англіи въ Азіи, представляютъ очень много общаго, у обѣихъ державъ очень много общихъ интересовъ, потому что у обѣихъ одно знамя: *образованность*, и одинъ общий врагъ: *невѣжество азіатскихъ народовъ*. Нѣть сомнѣнія, что многіе изъ англійскихъ, истинно государственныхъ людей, вполнѣ это понимаютъ; они знаютъ всѣ трудности борьбы противъ дикости, и не создаютъ себѣ химерическихъ враговъ, въ другихъ людяхъ, поставленныхъ въ условіяхъ сходныхъ съ ихъ положеніемъ, но на совершенно другомъ мѣстѣ Азіатскаго континента и на громадномъ отъ нихъ разстояніи. Единственное поприще, гдѣ соперничество между Англіею и Россіею можетъ еще казаться возможнымъ, это—торговля,—но и тутъ мы надѣемся доказать, что опасенія также неумѣстны какъ и въ политическомъ отношеніи.

Нужно дать себѣ, прежде всего вѣрный, и ясный отчетъ объ азіатской торговлѣ и изслѣдователь съ точностью ея средства и прочность. Въ древности, дѣйствительно азіатская торговля представляла большую

приманку. Все цѣнное въ Европѣ,—металлы, камни, шелковыя ткани, жемчуги и проч., все это было привозимо изъ Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что не будь такъ твердо основана слава азіатскихъ богатствъ, никогда Алонзо Квантанилло и Льюджи Сан-тангель не успѣли бы уговорить Изабеллу дать Колумбу тѣ три корабля, съ которыми онъ открылъ Америку. Азіатская торговля съ древняго времени привлекала англичанъ, и ей же мы обязаны, что капитанъ Чанселеръ открылъ Бѣлое море. Изъ Азіи въ прежнія времена было что вывозить; но съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились,—слава же азіатскихъ сокровищъ, установившаяся вѣками, кажется непоколебимой.

Если мы всмотримся въ положеніе азіатскихъ государствъ, нась поразитъ въ нихъ невообразимое распаденіе нравственныхъ силъ. Чтобы торговать, надо имѣть чѣмъ торговать. Изъ Азіи, все цѣнное вывезено давно, за исключеніемъ только того, что есть въ китайской имперіи, находящейся въ этомъ отношеніи въ положеніи особенному, и потому мы теперь оставимъ ее совершенно въ сторонѣ. Определеніемъ Провидѣнія, выказавшимся успѣхами ученія Махоммеда, въ прочихъ азіатскихъ государствахъ, производительныя силы распались окончательно. Какъ бы ни были изобилыны источники богатствъ, доставляемые почвой и климатомъ,—сами по себѣ эти источники недостаточны, и мы видимъ что Европа, далеко не пользующаяся такими условіями, и въ сущности имѣющая только три материальныя богатства: желѣзо, каменный уголь, и образованность,—незамедлила захватить къ себѣ всѣ богатства всего міра, въ томъ числѣ и богатства

Азіи. Странно надѣяться, что европейскія издѣлія можно постоянно съ выгодой продавать въ Азіи, когда азіатцы ничего не производятъ, все болѣе и болѣе бѣднѣютъ, и наконецъ, у нихъ скоро пресекутся всѣ источники для обмѣна. Если индѣйскія владѣнія Англіи, доставляютъ этому государству значительный доходъ,—если вообще торговля съ Индіею имѣть большое значеніе, это происходитъ оттого, что Англичане ввезли туда съ собою европейскую промышленность, и стараются развить ее тамъ какъ можно болѣе. Къ тому же эта страна безспорно особенно щедро надѣлена природой. Ничего подобнаго нѣтъ въ Средней Азіи. Производительность тутъ совершенно ничтожна и затруднена еще всѣми преградами, составляющими неизбѣжное слѣдствіе величайшихъ гражданскихъ неустройствъ. Надежда переманить у англичанъ торговлю съ сѣверной Индіею, есть прямая несообразность. Спрашивается теперь,—если у средне-азіатскихъ народовъ нѣтъ ничего собственного,—что къ несчастію совершенно вѣрно,—и если имъ изъ Индіи ничего не привезутъ,—чѣмъ же будутъ они торговать съ нами? Какую же тутъ торговлю мы можемъ отбить у Англіи, или Англія у насть? Тутъ, независимо отъ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, и спорить не о чёмъ.

Должно надѣяться, что Россія со всѣмъ иначе воспользуется своими Средне-азіатскими владѣніями. Должно надѣяться, говоримъ мы, потому что въ скорое выполненіе этого вѣрить не возможно. Крайняя не развитость всѣхъ нашихъ сословій, отсутствіе способныхъ и свѣдущихъ дѣятелей,—въ особенности, рѣдкость самоотверженія, твердой любви и преданности къ

я задуманнымъ предпріятіямъ, въ нашихъ людяхъ, все это, составляющее отсталось Россіи, бѣдность нашу у себя дома, — не можетъ не вліять значительно на наши успѣхи на востокѣ, на успѣхи, конечно, существенные, настоящіе, а не военные, до которыхъ мы теперь не каснемся.—Будущее значеніе Средній Азіи зависитъ отъ возбужденія тамъ промышленности. Безспорно тамъ находятся безконечные источники богатствъ, — но надо умѣть пользоваться этими источниками, и надо этого хотѣть. Для устройства и развитія промышленности, конечно, и въ самой Россіи много источниковъ, и если ими не пользуются, то это происходитъ также отъ того, что нѣтъ умнія и нѣтъ хотѣнія. Обстоятельства однакожъ сложились такъ, что не можемъ отказаться отъ своей роли, относительно введенія образованности въ Азію, и потому, хотя многое изъ того что мы должны сдѣлать тамъ, полезно бы было произвести и у насъ въ Россіи,—но это составляетъ задачу другихъ дѣятелей, а въ настоящей статьѣ мы исключительно занимемся вопросомъ объ устройствахъ въ нашихъ Средне-азіатскихъ владѣніяхъ.

И такъ, мы считаемъ и признаемъ совершенно доказаннымъ, что со стороны Европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и Англіи, мы не можемъ ожидать никакихъ разумныхъ помѣхъ ни на какомъ поприщѣ нашей дѣятельности въ Средней Азіи. Намъ предстоитъ борьба только съ однимъ врагомъ,—именно съ невѣжествомъ и закоснѣлой дикостью азіатскихъ народовъ. Весьма важно опредѣлить и понять свое положеніе,—тогда можно хорошо обсудить предпоставленный вопросъ, и отклонить отъ себя всѣ вздорныя сужденія, распространя-

ненные въ публикѣ, и пользующіяся какимъ-то, чисто условнымъ, значеніемъ.

Прежде чѣмъ основать и развить промышленность въ странѣ, надо иметь сграну. Въ политическомъ смыслѣ, согласно указу Сената, Туркестанскій край существуетъ неоспоримо; но въ дѣйствительности, страна эта еще весьма мало измѣнилась съ первоначального нашего въ нее вступленія, что, какъ известно, было весьма недавно.—Она представляетъ собою нѣчто хаотическое,—массу материала,—все нужное для созданія страны; но страны еще нѣтъ, и нуженъ организаторъ, чтобы привести все въ порядокъ, размѣстить элементы, и дать направленія силамъ. Тутъ безспорно представляется задача трудная, но за то она какъ нельзя болѣе славная; тутъ въ особенности важно умѣть и хотѣть. Задача эта еще тѣмъ болѣе трудна, что нѣтъ никакихъ указаний, которыя можно было бы извлечь изъ прежней опыта. До сего времени, мы не занимались степью, и наши распоряженія, заключающіяся только въ учрежденіяхъ различныхъ должностей, въ назначеніи чиновниковъ, были чисто поверхностныя и не касались быта степныхъ жителей, а, слѣдовательно, не могли посѣять въ нихъ элемента образованности. Надо надѣяться, что въ управлениіи Туркестанскаго края не будутъ держаться этой политики невмѣшательства, въ этомъ случаѣ вовсе не примѣнимой, хотя можетъ быть и очень удобной. Для успѣховъ просвѣщенія, важенъ болѣе всего строго введеній порядокъ, — а какіе установятся порядки,—дѣло второстепенное.

(Окончаніе въ сльд. №).

ВЗГЛЯДЪ НА НАШИ СРЕДНЕАЗІЯТСКІЯ УСТРОЙСТВА.

— 271 —

Il faut laisser faire tout le monde,
Excepté les enfants, les sauvages et les fous.

• • •

(Окончаніе).

Въ настоящее время, въ Европейской науцѣ, признается уже безусловно вѣрнымъ то, что вѣкъ долговременной фортификаціи совершенно кончился. Быстрое усовершенствование оружій, огромный перевѣсъ въ средствахъ, которыми располагаетъ аттака противъ обороны, дѣлаютъ невозможной трату миллионовъ, на постройку крѣпостей, которые теперь никакъ не могутъ остановить непріятеля. Границы опредѣленныя трактатами, гораздо болѣе тверды и болѣе прочны, нежели линіи фортовъ, устроенныхъ по какой бы то ни было системѣ. Все это доказано относительно Европейскихъ государствъ,—но это не менѣе вѣрно и относительно Азіатскихъ. Система линій фортовъ не мало стоила намъ на Оренбургской и Сибирской границахъ. Для огражденія себя отъ нападеній азіатцевъ конечно до-

статочно самыхъ ничтожныхъ укрѣплений,—достаточенъ для этого простой валъ, который можетъ быть выведенъ везде, и не принадлежитъ къ долговременной фортификаціи. Сколько фортовъ было нами построено въ различныхъ мѣстахъ въ степи и потомъ оставлено? Сколько это причинило намъ значительныхъ и совершенно бесполезныхъ расходовъ?

Взамѣнъ старинной системы постройки линій фортовъ, намъ представляется другой образъ дѣйствій, несравненно рациональнѣе, несравненно проще и гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Мы именно должны вводить образованность и гражданственность въ занятомъ нами дикомъ краѣ, и тогда представляются намъ средства обеспечить прочнымъ образомъ въ немъ свое могущество. Тотъ, кому этотъ образъ дѣйствія покажется труднымъ, одинаково незнакомъ, какъ съ характеромъ азіатскихъ народовъ, такъ и съ европейской образованностью.—Къ сожалѣнію, прежніе тамошніе дѣятели были именно таковыми; и это составляетъ единственное объясненіе того печальнаго факта, что Киргизы, находясь долго подъ нашимъ управлениемъ, въ настоящее время также

дики, какъ они были за тысячу лѣтъ тому назадъ.

Предоставивъ всѣ бредни, относительно прелестей кочевой жизни писателямъ романовъ, мы выскажемъ твердое убѣжденіе, что человѣкъ изрѣдка гложущій твердый кусокъ крута *), кочуетъ не изъ любви къ перемѣнамъ пейзажа, а кочуевъ онъ потому, что ему нужны пастьбища для скота; но онъ очень хорошо знаетъ, что пастьбища не всегда и не вездѣ удается найти; онъ сознаетъ вполнѣ, что жизнь его крайне несчастна, но онъ незнаетъ какъ измѣнить ее, и съ тупостью животнаго подражаетъ тому, что видитъ, и что привыкъ видѣть около себя. Приведеніе Киргизъ къ осѣдлой и до извѣстной степени правильной жизни, есть задача въ высшей степени легкая; она требуетъ только терпенія, отсутствія всякаго насилия, ничтожныхъ поощреній, а главное, собственно имъ дѣлаемыхъ, объясненій и указаній. Этимъ путемъ въ нѣсколько лѣтъ, все пространство граничимое съ сѣвера и запада Ураламъ,

съ юга Усть-юртомъ, съ востока Каракумами и Аральскимъ моремъ, можетъ быть заселено Киргизами малой и средней орды. Но построенные тутъ селенія должны быть исключительно азіатскія, въ нихъ не нужно никакихъ нашихъ гарнизоновъ, никакихъ фортовъ, никакихъ военныхъ сооруженій. Сами Азіатцы, состоя въ нашей службѣ, могутъ быть сборщиками податей; азіатцы же могутъ занимать всѣ должностіи въ этихъ селеніяхъ.

Киргизы, какъ вообще всѣ степные Азіатцы, вовсе не воинственны; и было бы странно еслибы кто сталъ изъявлять опасенія, что эти селенія будутъ разбойничьи вертелы. Подобныя, совершенно годательные опасенія, дѣлаютъ невозможнымъ всякое преуспѣяніе. Для опроверженія такихъ сужденій, стоитъ только вспомнить, что одна рота пѣхоты съ двумя орудіями составляетъ непобѣдимую во всей Азіи армію; и потому, если бы по какимъ нибыто причинамъ, намъ оказалось бы нужнымъ занять какой-нибудь отдельный пунктъ въ стени, достаточно будетъ этого пожелать чтобы оно было исполнено безъ труда и безъ большихъ пожертвованій.

*) Приготовляемый Киргизами творогъ преимущественно изъ кобылього молока.

Устройство киргизскихъ селеній требуетъ однакожъ, для своего усپѣшнаго осуществлѣнія, нѣкоторыхъ особенныхъ мѣръ, на которыя мы хотимъ здѣсь обратить вниманіе. Прежніе начальники оренбургскаго края, занятые другими дѣлами, не имѣли ни надлежащихъ свѣдѣній, ни даже желанія создать что нибудь прочное и достойное великой державы, которой они служили. Это ясно видно изъ образа строенія нашихъ фортовъ. Глиняныя мазанки, вредные для своихъ обитателей, безобразныя, постоянно разрушающіяся,—приличны для кротовъ, но никакъ не для людей. Киргизы умѣютъ ихъ строить не хуже насть, потому что мы сами этому великому художеству выучились у нихъ же, и если они строятъ ихъ въ маломъ числѣ, и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на своихъ зимовкахъ, то это происходитъ отъ того, что мазанки, въ фортахъ, даже для Киргизъ, не годны. Всѣ предложения измѣнить и улучшить способы производить постройки въ нашихъ степяхъ, встрѣчали въ прежнемъ начальствѣ Оренбургскаго края, не только равнодушіе, но даже прямое недоброжелательство. Доказательствомъ этому можетъ служить

все испытанное генераломъ Бюро, видовнымъ въ желаніи нѣсколько улучшить наши степные постройки, примѣненіемъ сводовъ изъ Камышевыхъ фашинъ. Здѣсь не мѣсто разсматривать достоинства и недостатки этого рода построекъ; вѣрно только то, что Бюро хотѣлъ улучшить наши постройки въ фортахъ Сыръ-Дарынскай линіи, и встрѣтилъ недоброжелательство и всякаго рода сопротивленіе. При такомъ порядкѣ вещей, нельзя удивляться, что не сдѣлано ни одной попытки устроить Киргизскія поселенія. Киргизы знаютъ, что мазанки необитаемы, что въ нихъ люди болѣютъ; они видятъ, что мы строимъ для себя мазанки и живемъ въ нихъ,—могно ли удивляться, что нашъ примѣръ ихъ не завлекаютъ, и что ови предпочитаютъ свои первобытныя кибитки, отвратительныи и зловредныи жилища изъ сущеной глины?

Исторія искусствъ съ очевидностью доказываетъ, что отечество первого изъ всѣхъ искусствъ — архитектуры, — есть Азія. Мало того, ни одно изъ чѣловѣческихъ илеменъ не одарено такимъ сознаніемъ, такимъ инстинктомъ прекраснаго въ строи-

тельномъ искусствѣ, какъ народы, колыбель, которыхъ находится въ Азіи. Всѣмъ известно, что въ древнихъ азіатскихъ государствахъ, архитектура достигла особенаго величія; изъ Азіи, и черезъ Азіатскихъ дѣятелей, это искусство проникло въ Европу, и нужно сознаться, что оно мало совершило успѣховъ со времени паденія великихъ азіатскихъ государствъ. Однообразіе европейской архитектуры, отсутствие въ ней изящныхъ формъ, не вездѣ даже замѣняется прочностью, удобствомъ, и сухостью стѣнъ. Это доказываетъ то, что въ европейскихъ народахъ нѣтъ того инстинкта къ прекрасному въ строительномъ искусстве, который свойственъ жителямъ Азіи. Что это чувство есть въ азіатахъ, это видно и теперь въ громадныхъ развалинахъ всюду покрывающихъ Азію. Великія сооруженія, которыя не убоялись разрушительного дѣйствія времени, не могли устоять противъ послѣдствій вреднаго ученія махоммеда. Нравственные силы расположились на востокѣ, и если въ настоящее время въ азіатскихъ государствахъ мы не видимъ того величія, которое составило славу ихъ въ прошедшемъ, нѣтъ причины

думать, что инстинктъ къ прекрасному въ архитектурѣ, притупился въ нихъ совершенно и навсегда. Напротивъ, есть полное основаніе предполагать, что инстинктъ этотъ, дарованный имъ Всевышнимъ Творцомъ, сохранился въ нихъ и по сіе время, и если онъ не проявляется ощутительно, то это происходитъ отчасти отъ нравственнаго озѣренія производимаго махоммедскимъ закономъ, отчасти же отъ особенного стечения политическихъ обстоятельствъ, произведшихъ полное распаденіе умственныхъ и гражданскихъ силъ на востокѣ.

Изложивъ такимъ образомъ главные доводы, на которыхъ основывается мнѣніе, что чувство къ прекрасному въ архитектурѣ и по нынѣ свойственно азіатамъ, можно допустить, по всей вѣроятности и то, что этотъ инстинктъ можетъ быть развитъ въ киргизахъ. Само собою разумѣется, что слабое сочувствіе, которое выказываютъ они къ глинянымъ мазанкамъ, ровно ничего не доказываетъ, и очевидно, что они совершенно иначе отнесутся къ сооруженіямъ истинно изящнымъ и достойнымъ ихъ вниманія.

Независимо отъ художественной стороны,

въ архитектурѣ есть сторона материальная, чисто научная, которая имѣть не меньшее значеніе, и представляетъ часть совершенно особенную отъ первой. Это материальная часть архитектуры, имѣющая предметомъ добываніе и приготовленіе строительныхъ материаловъ, достигшая въ Европѣ извѣстнаго совершенства, она и нынѣ еще развивается постепенно все болѣе и болѣе,—и если въ художественномъ отношеніи Европа должна уступить первое мѣсто Азіи, то въ наукѣ о приготовленіи строительныхъ материаловъ, она далеко опередила послѣднюю. Вотъ эти-то научныя свѣдѣнія и слѣдуетъ намъ заимствовать у европейской образованности и примѣнить къ постройкамъ для киргизъ, не стѣсняя, а напротивъ развивая въ нихъ тѣ инстинкты, которыми они, по всей вѣроятности, надѣлены отъ природѣ.

Въ мѣстности, гдѣ теперь кочуютъ киргизы, въ означенныхъ выше предѣлахъ, находятся въ неисчерпаемомъ изобиліи, кремнеземъ, щелочные соли, глина и известъ. Изъ этихъ сырыхъ материаловъ можно приготовить камни для сооруженія зданій, согласно самымъ изысканнымъ требованіямъ

архитектуры. Для этого нужно только нѣсколько свѣдущихъ лицъ, которые могли бы доставить киргизамъ надлежапія указанія, и тогда уже они сами будутъ строить себѣ жилища, по своему вкусу, когда пріобрѣтутъ достаточно практическихъ знаній. Первые таковыя зданія могутъ быть возведены для главнѣйшихъ киргизскихъ судтановъ, и независимо отъ этого, можно обстроить всѣ станціи по почтовому тракту отъ Орска до Казалы. Когда киргизы, увидѣтъ, что киргизы же построили себѣ изящные здадія, нѣтъ сомнѣнія, что это произведетъ громаднѣйшее вліяніе на весь народъ. Они будутъ съѣзжаться изъ всей Азіи, чтобы посмотретьъ на такое диво, и скоро, во многихъ мѣстахъ, примутся подражать этому дѣлу, которое должно быть представлено имъ въ настоящемъ своемъ видѣ, т. е. весьма простымъ и легкимъ. Когда такимъ образомъ устроятся киргизскія села, не представится труда заселить тѣмъ же порядкомъ, менѣе дикія туркменскія племена, какъ напр. юмуты, — и постепенно развивающаяся гражданственность въ этихъ пустынныхъ, и въ настоящее время столь не отрадныхъ краяхъ, доста-

вить Россіи новую населенную область, съ которой она сроднится тѣсно, — и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно ослабѣютъ элементы дикости и своеволія, препятствующіе по сіе время всякому преуспѣянію въ центральный Азіи.

До сихъ поръ мы говорили только объ устройствѣ киргизскихъ поселеній, что, до Туркестанскаго края, повидимому, мало относится. Что же дѣлать, когда по сіе время ровно ничего не сдѣлано относительно устройства въ степи? Къ тому же, то, что мы сказали о киргизскихъ постройкахъ, примѣнено и въ отношеніи поселеній, которыя можно устроить въ Туркестанскомъ краѣ. Многія изъ селъ въ Семирѣченской области могутъ быть населены китайцами, и обстроены на китайской ладѣ. Вообще нужно принять дѣятельныя мѣры къ приведенію всѣхъ кочующихъ тутъ народовъ къ правильной жизни, причемъ, на первое время едва ли разумно намъ перемѣшиватьсь съ ними, и не жить въ отдельныхъ мѣстахъ. Болѣе или менѣе сознательно, мы до сихъ поръ вообще придерживались этого правила, что, конечно, вполнѣ разумно. Что же касается перевода въ степь

станицъ оренбургскаго войска, съ уральскихъ старой и новой линіи, то мы вполнѣ признаемъ всю пользу этой мѣры, лишь бы не тратились суммы на постройки фортовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если воспользуются переводомъ казаковъ на новые мѣста, чтобы нѣсколько подвинуть ихъ на пути образованности, ибо въ отношеніи умственнаго развитія, они мало рознятся отъ киргизъ. Представители порядка и гражданскихъ устройствъ, мы, должны строго за собою смотрѣть, и не жить какъ нибудь, на что, какъ известно, казаки оренбургскаго войска очень склонны. Казацкія станицы въ степи, устроенные на мѣстахъ, которыя для этого будутъ признаны удобными, должны быть обстроены образцовымъ образомъ, и какъ въ степи нѣтъ лѣсу, о чёмъ въ этомъ случаѣ можетъ быть и сожалѣть не должно, постройкамъ изъ камня, для казаковъ, можно будетъ придать изящный наружный видъ и внутреннее удобство, которыя окажутъ полезное вліяніе на самое умственное развитие казаковъ.

Для всѣхъ устройствъ, и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно решительно все устроить, нужны средства. Очевидно ск

эти средства должны быть найдены въ самомъ краѣ, и безсомнѣнно то, что ихъ можно тамъ найти. Надо основать тамъ промышленность, которая изольетъ благо- состояніе на всѣхъ тамошнихъ жителей, дасть средства устроить торговлю, выгодную для самой Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить самымъ надежнымъ образомъ наше могущество въ краѣ. Великій вопросъ теперь: какъ это сдѣлать?

Было время, когда въ Россіи всѣ значительныя промышленныя предпріятія вѣлись казною, нынѣ стараются сдать ихъ частнымъ лицамъ. Въ каждомъ изъ этихъ порядковъ вещей, есть свои достоинства и недостатки. Въ первомъ случаѣ, т. е. Когда промышленныя производства находились въ рукахъ казны, издѣлія добывались, но обходились дорого. Во-второмъ случаѣ, издѣлія вовсе не добываются, и начинающіяся производства лопаются, нѣтъ казенныхъ убытковъ, но зато нѣтъ и промышленности. Изъ этого можно заключить, что если правительство наше, изъ политическихъ видовъ, пожелаетъ непремѣнно устроить промышленность въ Туркестанскомъ краѣ, и вообще въ нашихъ азіат-

скихъ владѣніяхъ, то оно само должно взяться за дѣло на первыхъ порахъ, и если хоть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будетъ счастливо въ выборѣ своихъ дѣятелей, то дѣло можетъ идти легко, и даже доставить казнѣ значительную выгоду, если же наоборотъ, у насъ будутъ вызывать и ожидать производителей, то не подлежитъ сомнѣнію, что промышленности нашей азіатской мы еще долго не увидимъ. Общество наше не достаточно развито, чтобы на компанейскихъ началахъ, могли бы быть ведены предпріятія въ значительныхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе довольно многочисленныхъ опытовъ, все довѣріе къ предпріятіямъ, на основаніи товариществъ, прекълось, и къ сожалѣнію должно сознаться, что это совершенно основательно. Въ частныхъ людяхъ, какъ мы сказали, у насъ, капиталы, умѣніе и хотѣніе не совмѣстимы, слѣдовательно нѣтъ даже ни малѣйшей возможности, чтобы промышленность развилаась въ Азіи посредствомъ частныхъ дѣятелей. Силою обстоятельствъ, правительство поставлено въ необходимость принять иниціативу въ этомъ дѣлѣ, и какъ бы ни было трудно требовать отъ лицъ со-

стоящихъ на службѣ истиннаго рвнія къ пользамъ казны, это однакожъ не предстаетъ ничего невозможнаго, если съумѣютъ выбрать людей и поставить ихъ надлежащимъ образомъ на ихъ мѣста. Источниковъ для промышленныхъ предприятій, въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, множество; въ царствахъ, животномъ, растительному и ископаемому, можно найти многочисленныя отрасли для основанія новыхъ промышленностей и для развитія прежнихъ. Трудность всего дѣла заключается въ избраніи рода производствъ и торговли, а состоитъ она главнымъ образомъ въ томъ, чтобы рѣшиться сойти съ избитой тропы рутины, которая никуда привести не можетъ, хотя идти по ней очень покойно; чтобы убѣдиться въ необходимости умственнаго развитія тѣхъ народовъ, которыхъ участь довѣрена намъ провидѣніемъ, и чтобы понять, что ни въ какомъ случаѣ, этого развитія нельзя опасаться.

Европеецъ.

120

Новое Время. 1876 г. № 3.

Значение Кокана для России.

Исторія европейскаго міра, въ силу географическихъ условій, представляетъ намъ постоянное, повсюдное и упорное движение на востокъ. Европейские народы, съ юга и запада замкнутые моремъ, при инстинктивномъ стремлениі къ расширению границъ, искони въковъ стремились неудержимой волной разлиться по открытымъ и широкимъ пространствамъ съверо-восточной Европы и Азіи. Греція искала себѣ запасной территоріи въ малой и средней Азіи; Римъ, стѣсненный Адріатическимъ и Средиземнымъ морями, силился найти просторъ у Чернаго моря и Дуная, въ Германіи и Галліи; франки до сихъ поръ тянутся къ Рейну, германцы къ Дунаю, Вислѣ и балтійскому побережью; испанцы, венеціанцы, голландцы и англичане стремились проникнуть морскимъ путемъ въ Индію и восточную Азію.

Завѣтное Drang nach Osten является такимъ образомъ для Европы какимъ-то всеобщимъ закономъ гражданскаго бытія, закономъ равновѣсія или приспособлія, при которомъ европейская народная волна шла на встрѣчу азіатской волнѣ, слившейся разлиться съ востока на западъ.

Славяно-русской народности выпало на долю такое теченіе еще въ большей степени, чѣмъ остальной Европѣ. При первыхъ историческихъ слѣдахъ гражданской жизни, мы, тѣснимые съ запада германцами, силились проникнуть на востокъ, низвергая въ свое мѣсто стихійномъ теченіи менѣе сильныя и устойчивыя народности. Это роковое теченіе сначала увлекло насъ до Камennаго пояса (Ураль), потомъ, по сибирскимъ рѣкамъ, довело до Камчатки и Восточнаго Океана; затѣмъ русская народная волна прорвала себѣ выходъ чрезъ желѣзныя ворота въ Закавказскій край, полилась черезъ Каспійское море по степямъ Турана, дошла до Тяньшанскаго хребта и остановилась на Коканской долинѣ.

Занятіе Кокана русскими войсками или, другими словами, присоединеніе его къ русскимъ владѣніямъ нынѣ составляетъ новость дня. Поэтому мы считаемъ нуж-

нымъ остановиться на этомъ событіи, коснувшись стараго, но далеко не избитаго, вопроса: какое значеніе имѣютъ для Россіи, новыя территоріальныя пріобрѣтенія и въ частности послѣднее изъ нихъ?

Постоянное расширение русскихъ границъ неоднократно возбуждало въ нѣкоторой части нашего общества преувеличенный опасенія. Доказывали, что не только Амурскій и Уссурійскій край, но даже Кавказъ служать для Россіи бременемъ, такъ какъ расходы по управлению этими областями въ настоящее время не окупаются получаемыми съ нихъ доходами. Новое пріобрѣтеніе Кокана въ состояніи возбудить еще большія опасенія. Противъ туркестанскихъ владѣній уже неоднократно въ печати раздавались голоса въ этомъ смыслѣ. Говорили, что Средняя Азія, при чрезмѣрныхъ издержкахъ на содержаніе войскъ и управлениe, не въ состояніи обѣщать Россіи выгода даже въ далекомъ будущемъ. Тѣ немногіе оазисы плодородной земли, которые при помощи искусственаго орошенія способны для культуры, уже заняты туземнымъ населеніемъ и едва ли допускаютъ возможность дальнѣйшей русской колонизаціи въ значительныхъ размѣрахъ. Какъ торговый рынокъ, этотъ край, по малочисленности, бѣдности и неразвитости потребителей, тоже, говорятъ, не даетъ надежды на такой сбыть нашихъ мануфактурныхъ произведеній, который, хотя косвенно, могъ бы вознаграждать административныя затраты. Естественные произведенія этого края, не смотря на ихъ цѣнность и пригодность въ Россіи, не могутъ конкурировать съ такими же произведеніями западной Европы и нашихъ южныхъ провинцій.

Если даже допустить, что въ Туркестанѣ разовьются большія промышленныя силы, что мы могли бы оттуда въ изобилии получать вино, шелкъ, хлопокъ, фрукты и массу другихъ колоніальныхъ товаровъ, то какими средствами достичь того, чтобы эти произведенія доставлялись, напр. въ Москву или Петербургъ, на протяженіи четырехъ тысячъ верстъ, также удобно, скоро и дешево какъ изъ Италіи, Франціи, Крыма и Кавказа? Туранская степь, бесплодная и безводная, не способная ни

къ культурѣ, ни къ заселенію, всегда буде слуги роковымъ тормазомъ сближенію Россіи съ туркестанскимъ краемъ и успѣшной эксплоатациѣ этого края. Для чего же, послѣ этого, послужить наши всѣ пріобрѣтенія въ Средней Азіи? Не готовы ли они на самомъ дѣлѣ перспективу новаго Кавказа, съ безконечной борьбой и громадными финансовыми потерями?

Въ такомъ пессимистическомъ воззрѣніи могла бы быть доля правды въ томъ только случаѣ, если выгоды отъ Туркестанскаго края пріурочивать исключительно къ интересамъ Европейской Россіи. Относительно этой послѣдней, наши среднеазіатскія владѣнія дѣйствительно имѣютъ значеніе отдаленныхъ колоній, гораздо менѣе связанныхъ путями сообщенія съ метрополіей, чѣмъ индійскія владѣнія англичанъ. Если бы вместо безконечныхъ степей Турана насы соединяло море, то безспорно промышленная эксплоатациѣ Средней Азіи пошла бы гораздо скорѣе и дѣятельнѣе. Но для мертвай пустыни не остается другого способа товарнаго передвиженія, кромѣ выочныхъ верблюдовъ. Мечтать о проложеніи по этой степени желѣзного пути могутъ только люди съ пылкимъ воображеніемъ и незнакомые съ дѣйствительностію. Эта химерическая идея должна исчезнуть у всякого, кто поближе познакомится съ эксплоатациѣю русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Если по линіямъ проходящимъ по густо населенной мѣстности, напр. моршанско-сызранской, цѣлые поѣзды заносить снѣгомъ, цѣлый недѣли проходятъ въ очищенніи пути и пассажиры едва не умираютъ отъ холода и голода, то что же сказать про дорогу, которая сотни верстъ (отъ Орска до Ташкента 1684 версты) должна проходить по безлюдной, безводной и бесплодной степи, представляющей зимой страшные снѣжные ураганы. Затѣмъ, эксплоатациѣ этой дороги была бы немыслима, такъ какъ немыслима здѣсь осѣдлая жизнь при какой бы то ни было искусственной поддержкѣ со стороны государства. Туранская пустыня, какъ отжившій, мертвый лоскутокъ земли, всегда будетъ неодоли-

мой преградой между Европейской Россіей и среднеазіатскими владѣніями. Стало быть, едва ли можно разсчитывать на то, чтобы колоніальная произведенія туркестанского края могли конкурировать на рынкахъ Европейской Россіи съ произведеніями какъ нашего юга, такъ равно Европы и Америки.

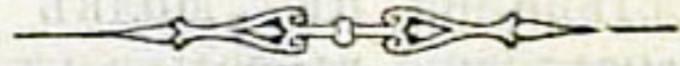
Пріобрѣтеніе Туркестанского края можетъ дать Россіи громадныя выгоды, но не для европейской ея половины, а для азіатской. По географическимъ условіямъ, этотъ край долженъ вступить въ тѣсныя органическия связи съ Сибирью. По отношенію къ Сибири, онъ будетъ не отдаленой колоніей, а прямымъ продолженіемъ сибирской территории, будетъ имѣть значеніе южныхъ провинцій Сибири, какъ Крымъ и Кавказъ для Европейской Россіи. Съ этой съверо-восточной стороны не только возможно, но уже начинаетъ быстро подвигаться русское населеніе вплоть до Иссыкъ-Куля и вѣроятно пойдетъ дальше въ долину Намангана и Кокана. Съ этой точки зрењія и слѣдуетъ смотрѣть на новое среднеазіатское пріобрѣтеніе, чтобы признать его пользу для Россіи и тѣ условия, при которыхъ эта предполагаемая польза могла бы осуществиться быстрѣе и плодотворнѣе.

Для подтвержденія этой мысли обратимся къ географическому положенію.

За исходный пунктъ возьмемъ Семипалатинскъ, откуда начинается свободное пароходное сообщеніе по Иртышу и далѣе по Оби со всѣми городами Западной Сибири, а черезъ имѣющую быть желѣзную дорогу, примыкающую къ Тюмени, и съ Европейской Россіей. Семипалатинскъ, такимъ образомъ, по отношенію къ Туркестанскому краю съ восточного пути имѣтъ тоже значеніе, какъ Оренбургъ съ западнаго. Отъ Оренбурга до Ташкента считается $1948^{3/4}$ в., изъ которыхъ только 265 в. до Оренбурга мож-

но считать населенными, а далѣе тягнется пустыня вплоть до Туркестана, или даже до Чекмента. Отъ Семипалатинска до Вѣрнаго, черезъ Сергіополь и Коканъ нынѣшнимъ трактомъ считается 983 в., но этотъ путь можетъ быть укороченъ до 800 в. Отъ Вѣрнаго, черезъ Ауліе—Ата и Чекментъ, до Ташкента считается по нынѣшнему тракту 760 в., отъ Ташкента до Кокана 210 в. При возможности проложить отъ Вѣрнаго до Кокана прямой путь черезъ горы, отъ Иссыкъ-Куля къ верховьямъ Сыра или Нарына, этотъ путь могъ бы быть отъ 500 до 600 в. Слѣдовательно, при улучшениіи путей сообщенія, разстояніе между Семипалатинскомъ и Коканомъ можетъ быть не болѣе 1400 в., а принимая въ разсчетъ одну лишь Семирѣчинскую область, гдѣ собственно уже начинается туркестанская культура, это разстояніе будетъ не болѣе 800 в. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что путь между Семипалатинскомъ и Вѣрнымъ идетъ по мѣстности, вполнѣ пригодной къ заселенію и уже значительно заселенной, изъ чего можно видѣть, что этотъ путь въ Туркестанъ не только самый короткій, но и самый естественный и выгодный. Если когда нибудь суждено осуществиться большимъ торговымъ и промышленнымъ отношеніямъ Россіи къ этому краю, то они должны будутъ избрать именно этотъ путь. Кромѣ близости и удобства, въ пользу его говорить прежде всего то обстоятельство, что Коканъ и весь Туркестанскій край безспорно необходимы для Сибири, равно какъ и Сибирь, а черезъ нее и Европейская Россія, необходимы для возникающей цивилизациіи Туркестантскаго края.

Завтра мы скажемъ подробнѣе о значеніи Кокана для Сибири.

Значение Кокана для Сибири.

Сибирь, по своему положению и климатическимъ условіямъ, лишена всякой возможности развивать у себя культурныхъ произведенія южныхъ странъ. Не говоря уже о такихъ продуктахъ, какъ шелкъ, хлопокъ, краски, оливковое масло и пр., необходимыхъ для питанія мануфактурной промышленности, даже предметы, такъ сказать, обыденныхъ потребностей, каковы: виноградные вина, фрукты, аптекарские и колоніальные товары, въ Сибири до сихъ поръ получаются изъ Москвы и Петербурга. Принимая въ разсчетъ, что эти послѣдніе города получаютъ означенныя произведенія большою частію изъ западной Европы, не трудно понять, что при такихъ условіяхъ въ Сибири не только не мыслима мануфактурная промышленность, но почти невозможно пользованіе привычными для всякаго образованнаго человѣка удобствами цивилизованной жизни. Иначе и быть не можетъ, если вспомнить, что отъ Томска, центра Сибири, до Петербурга 4 тысячи верстъ. Желѣзная дорога, въ послѣдствіи, можетъ облегчить это пространство и удешевить проездъ, но она не сократитъ разстоянія. Всякий сибирякъ, желающій или принужденный подышать южнымъ воздухомъ, обреченъ чуть ни на кругосвѣтное путешествіе, чтобы черезъ Петербургъ добраться напр. до Швейцаріи или Италіи. Сибирь такимъ образомъ была лишена громаднаго преимущества остальныхъ странъ, въ томъ числѣ и Европейской Россіи, именно близости юга и возможности дешево пользоваться его произведеніями, а временемъ— и климатическими удобствами. Это лишеніе могло бы до некоторой степени повлиять на успѣшное развитіе въ Сибири полной цивилизованной жизни, съ европейскими удобствами и потребностями. Сибири было необходимо соѣдество юга— и оно явилось съ приобрѣтеніемъ Семирѣчья и Кокана.

Коканъ не даромъ заслужилъ у туземцевъ название „Плѣнительный Коканъ“. Его плодоносная долина представляетъ собой сплошной садъ, изобилующій всѣми произведеніями юга. Кроме хлопка и риса, здѣсь можетъ быть съ большимъ успѣхомъ развито винодѣліе, шелководство и табаководство; могутъ быть культивированы фруктовыя и оливковыя деревья, красильные и лекарственные растенія. Въ Коканѣ найдены и уже эксплоа-

тируются нефтяные источники; есть мѣдные и серебросвинцовые руды, найдется и уголь и много другихъ минеральныхъ сокровищъ. Черезъ Коканъ могутъ быть получаемы въ Сибирь всѣ произведенія изъ-за Тянъшаньскаго хребта, изъ западнаго Китая и даже Индіи. Коканъ наконецъ представляетъ лучшую климатическую мѣстность для имѣющихъ надобность поберечься отъ разрушительнаго вліянія сѣвернаго сибирскаго климата. Такимъ образомъ, Сибирь приобрѣтаетъ въ то, чѣмъ для насть служатъ западная Европа, Крымъ и Кавказъ. Пользованіе его произведеніями можетъ быть такъ же удобно, какъ Москвѣ и Петербургу—произведеніями нашего юга, ибо на протяженіи 800 верстъ, между Иртышемъ и Иссыкъ-Кулемъ можетъ быть устроено вполнѣ европейское сообщеніе.

Такое отношеніе къ Туркестанскому краю и Кокану сибиряки съ перваго же разу поняли инстинктивно. Въ то время, какъ громадныя пространства Амурской и Уссурійской области до сихъ поръ представляютъ почти пустыню, когда населеніе Оренбургскаго края ни на волосъ не подвинулось и не могло подвинуться по пути къ Аральскому морю; путь отъ Иртыша до Вѣрнаго сразу же началъ затягивать казацкія станицы, годъ отъ году разростающіяся больше и больше.

Черезъ десять лѣтъ послѣ основанія Вѣрнаго (1855 г.) въ немъ уже жило до 4000 русскихъ переселенцевъ, и во всемъ Зайлійскомъ краѣ въ 1865 г. ихъ было до 8000. Нынѣ это число по меньшей мѣрѣ удвоилось. Въ Вѣрномъ уже существуетъ гимназія. Явились шоферы не только изъ Сибири, но и изъ великорусскихъ губерній отыскивать себѣ привольныя мѣста около Иссыкъ-Куля и по долинамъ рѣкъ между снѣжными хребтами Алетау. Если бы эта колонизація была болѣе подопрѣляема правительствомъ, то можно бы было надѣяться, что Зайлійскій край и весь путь до Иртыша въ скоромъ времени превратилсябы въ густо населенную мѣстность, широкой полосой русского племени слился бы совершенно, какъ одно цѣлое, съ южной Сибирью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ Россіей.

Нельзя жаловаться на то, чтобы въ Зайлійскомъ и Туркестанскомъ краѣ недоставало мѣста для русскихъ поселеній. Осѣдлое туземное населеніе едва занимаетъ

одинъ третъ удобныхъ земель. Остальное
пространство среднеазіатской нови ждетъ
тотъ же русскихъ рукъ, чтобы превратиться
въ плодородныя поля. Нельзя также ска-
зать, чтобы эти руки шли сюда неохотно.
Въ началѣ 1866 г. явился на Иссикъ-Куль
первый піонеръ изъ вольныхъ поселенцевъ,
а осенью 1867 г. въ Вѣрномъ встрѣтила
генералъ-адъютанта Кауфмана уже не одна
сотня просившихся селиться къ югу отъ
Или. Слѣдующій годъ желающихъ было
несколько сотень, которымъ и разрѣшено
 заводить поселенія. Нельзя не сочувствовать
 свободной земледѣльческой колониза-
 ціи. Она могла бы быстро развиться до
 значительныхъ размѣровъ въ томъ случаѣ,
 когда бы русскимъ вольнымъ поселенцамъ,
 какъ американскимъ скваттерамъ, было
 предоставлено право самимъ выбирать удоб-
 ныя мѣста, не принимая въ соображеніе
 административныхъ и стратегическихъ
 цѣлей. Такъ заселялся въ началѣ XII в.
 нашъ Зауральскій край и плоды этой сво-
 боды поселенія скоро обнаружились: этотъ
 край долгое время служилъ житницей для
 возникающихъ сибирскихъ городовъ и по-
 нынѣ онъ питаетъ всю горную промышлен-
 ность Урала.

Чтобы скорѣе воспользоваться новыми
пріобрѣтеніями Зайлійского края и Кокса-
 на, необходимо, кромѣ умноженія здѣсь
 русского населенія, позаботиться о путяхъ
 сообщенія. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не
 колесный почтовый трактъ, уже существую-
 щій, а путь европейскій—желѣзную дорогу.
 Много было говорено и писано о турке-
 станской желѣзной дороги. Съ ней соединя-
 лись грандиозные планы и несбыточныя на-
 дежды; спорили даже о первенствѣ идеи
 этого пути, съ которымъ было соединено
 имя Лесепса; перекладывали изъ пустого
 въ порожнее по поводу направлениія этой
 дороги, то предпочтая путь на Каза-
 линскъ, то выводя ее отъ Екатеринбурга
 на Сыръ-Дарью, по долинѣ Сара-Су и т.
 д. Но всѣ эти мечтанія естественно раз-
 бивались о горькую дѣйствительность въ
 формѣ тысячныхъ разстояній и пустыхъ
 безводныхъ степей. Тѣмъ не менѣе, идея
 туркестанской желѣзной дороги сознается
 всѣми, какъ вопросъ первостепенной важ-
 ности. Безъ дороги край представляется
 заброшеннымъ, неупроченнымъ, почти без-
 полезнымъ для Россіи; привычка смотрѣть
 на наши окраины только изъ столицы
 направила этотъ вопросъ на ложную точ-
 ку. Наши публицисты, а можетъ быть и
 администраторы, не могли отрѣшиваться отъ
 предвзятой мысли, что Туркестанскій край
 долженъ быть эксплуатируемъ только Ев-

ропейской Россіей. Отдаленную, почти забытую Сибирь никто не принималъ во вниманіе, тогда какъ, по своему географическому положенію, она должна быть полной и первой наслѣдницей богатства Туркестанскаго края. Она первая проложила путь въ этотъ край, первая приступила къ его органической ассимиляціи путемъ заселенія и въ будущемъ она по преимуществу должна вступить съ нимъ въ тѣсныя и обширныя торгово-промышленные связи. Поэтому первая, если не единственно возможная, желѣзная дорога въ Туркестанъ должна идти изъ Сибири или, говоря точнѣе, прежде всего отъ Иртыша до Вѣрнаго. Въ этомъ размѣрѣ и направленіи желѣзная дорога не представляется чудовищнымъ проектомъ, но можетъ быть осуществлена въ недалекомъ будущемъ безъ чрезмѣрныхъ затратъ со стороны государства и съ большой для него пользой. При мысли о туркестанской желѣзной дорогѣ, Россія не можетъ и не должна задаваться пустыми идеями сухопутного транзита изъ Индіи. Цѣль наша должна быть болѣе опредѣленная, практическая, полезная для насъ самихъ, а не для европейскихъ сосѣдей. Она должна состоять 1) въ томъ, чтобы этимъ способомъ связать съ коренной Россіей и обезопасить отъ возможныхъ случайностей наши юные, еще не окрѣпшія владѣнія. Это цѣль стратегическая. 2) Желѣзная дорога должна поднять производительность края, облегчить сбытъ его произведеній, возвысить государственные доходы. Мы уже отчасти показали, на сколько второе изъ этихъ условій не выполнимо при проведеніи дороги изъ Европейской Россіи черезъ степи. Кромѣ того, что это сооруженіе обошлось бы, считая отъ Оренбурга, не менѣе 100 миллионовъ, эксплоатациѳ этого пути зимой была бы почти невозможна, а лѣтомъ разорительна по отсутствію воды и топлива. Сбыть же по этой дорогѣ не могъ бы быть слишкомъ великъ потому, что отдаленность перевозки (3—4 т. в.) ложилась бы тяжелымъ гнетомъ даже на цѣнныя колоніальные товары, особенно при громадной конкуренціи со стороны русского юга и европейскаго запада. Такимъ образомъ, эта желѣзная дорога, не окупая самое себя и служа лишь стратегическимъ цѣлямъ, удвоила-бы только затраты государства на Туркестанскій край, не возвышая его доходности.

Совсѣмъ другое дѣло—сибирское направлениѣ. На протяженіи 800 в. между Вѣрнымъ и Семипалатинскомъ, линія обошлась бы не болѣе 30 миллионовъ. Эксплоатациѣ ея, въ населенной мѣстности, ни чѣмъ не отличалась бы отъ остальныхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, была бы, можетъ быть, даже дешевле по случаю изобилия каменного угля вблизи Иртыша. Въ стратегическомъ отношеніи эта линія имѣла-бы еще большее значенія, чѣмъ оренбургская, ибо кромѣ войскъ, со средоточенныхъ въ Омскѣ и Семипалатинскѣ, средне-азіатскія владѣнія находились-бы тогда подъ охраной сплошного русского населенія всей мѣстности на протяженіи дороги. Товарное и пассажирское движеніе здѣсь съ перваго-же раза могло бы быть на столько значительно, что, при умѣренныхъ затратахъ на устройство пути и его эксплоатациѣ, оно могло-бы покрыть проценты и погашеніе на затраченный капиталъ, развѣ съ незначительной приплатой для правительства—и то на первое время. Здѣсь существуютъ всѣ условія для успѣшности дѣла. Какъ мы показали выше, Сибирь нуждается во всѣхъ средне-азіатскихъ произведеніяхъ. Она всегда будетъ ихъ главнымъ потребителемъ безъ конкуренціи со стороны Запада, потому что продукты южной растительности Средней Азіи въ Сибири должны быть гораздо дешевле, чѣмъ доставленные черезъ Европейскую Россію. Въ числѣ этихъ предметовъ достаточно указать на виноградный вина, свѣжие и сушеные фрукты, табакъ, красильные и лекарственные вещества, рисъ, хлопокъ, шолкъ, коканскій керосинъ. Въ замѣнъ этого Россія давала-бы туркестанскому краю желѣзныя издѣлія, мануфактурныя производства и всѣ предметы, такъ сказать, домашняго обихода. Мы не имѣемъ цѣлью излагать здѣсь проектъ туркестанской желѣзной дороги, поэтому не считаемъ нужнымъ перечислять здѣсь всѣхъ предметовъ взаимнаго обмѣна съ приблизительнымъ количествомъ грузовъ. Достаточно и того общаго сообра-

женія, что двѣ обширныя страны, диаметрально противоположныя по климату и характеру производительности, при неизбѣжномъ обмѣнѣ своихъ произведеній не могутъ не дать достаточно груза для поддержания единственного между ними пути. Что касается до дальнѣйшихъ послѣдствій отъ указанной желѣзной дороги для Сибири и Туркестана, то они безспорно превзойдутъ всякія ожиданія. Не говоря о быстромъ увеличеніи населенія и производительности

Средней Азіи, эта мѣра разовьетъ въ Сибири несуществующую до сихъ поръ мануфактурную жизнь. Нѣтъ ничего естественнѣе, напримѣръ, создать на Иртышѣ фабрики для обработки туркестанского хлопка и шелка. При обилии каменного угля на мѣстѣ и при дешевой доставкѣ сырого материала, это производство не должно быть убыточнымъ, такъ какъ сбыть мануфактурныхъ произведеній можетъ быть обеспечено, кроме Сибири, тѣми-же средне-азіатскими владѣніями.

Въ виду всего вышеизложенного, нельзя не привѣтствовать добрыми пожеланіями и надеждами вновь совершившееся занятіе Коканского ханства. Нельзя опредѣлить ту громадную пользу, какую принесетъ этотъ край для Сибири, восполняя ея климатические недостатки и возбуждая предпримчивый духъ сибиряковъ къ новой, до сихъ поръ не испытанной ими дѣятельности. Остается только желать, чтобы вновь приобрѣтенные богатства не оставались втувѣ, а возможно скорѣе выступали изъ пѣдѣй благодатной почвы. Нечего откладывать до будущихъ поколѣній то, чѣмъ можно пользоваться немедленно. Россія страдаетъ недостаткомъ капиталовъ и народнаго богатства главнымъ образомъ отъ того, что до сихъ поръ пробавляется мало прибыльной эксплоатацией своей сѣверной, скучной почвы.

